

Марина СЕЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Аромат
мести*

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ
ТАТЬЯНА
ИВАНОВА

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Аромат мести

«Научная книга»

2008

Серова М. С.

Аромат мести / М. С. Серова — «Научная книга»,
2008 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова убеждена, что чудовищные преступления маньяка, терроризирующего город, лишь следствие психической травмы, полученной в детстве. Теперь мальчишка вырос и стал жестоким убийцей. Одна за другой гибнут молодые женщины. Что объединяет серию этих загадочных убийств? Внешность жертв или сходство мест, где произошла трагедия? Шаг за шагом продвигается Татьяна к роковой развязке....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Аромат мести

Глава 1

Июльский джаз

Я попала на этот концерт случайно. Просто прогуливалась по парку, затем вышла к филармонии и, увидев афишу гастрوليрующей джаз-группы, купила билет.

Прошлая неделя вымотала меня до предела, поэтому на этот вечер был запланирован отдых во всех его проявлениях.

Побывав в нескольких закусочных и кафе, перепробовав гамбургеров, пицц, жареных цыплят и пирожных, я, оказавшись в филармонии, прежде всего стала интересоваться буфетом, а уж потом всем остальным.

Буфет был. Прохладное шампанское расслабило меня окончательно. Слушать в таком состоянии джаз – что может быть лучше? Вот если бы еще спинки кресел откидывались. Тогда можно было бы из одного кайфа попасть прямо в другой, то есть уснуть часов эдак на несколько.

Но раскладные кровати администрацией филармонии предусмотрены не были, поэтому я, потихоньку икая от выпитого шампанского, изо всех сил старалась не заснуть и хотя бы дожждаться начала концерта.

Была середина июля. Мертвое время для города. Все расползлись по дачам или заграницам. Я бы тоже куда-нибудь улетела, если бы не предыдущее дело. Но это уже в прошлом. Теперь надо зализать раны, отдохнуть, а там – время покажет.

Так вот, в середине июля рассчитывать на полные залы не приходится. Может, оно и к лучшему: нет очереди в буфет.

Парочка, сидящая справа от меня, похоже, тоже меньше всего интересовалась джазом. Они сидели, взявшись за руки, и чувствовали только друг друга. Девушка была лет восемнадцати, в прозрачном коротком платье, со светлой косой, перекинутой через плечо. Щеки ее горели, а грудь вздымалась. «Любовь», – подумала я и закрыла глаза. Меня клонило в сон.

Парень чуть повзрослее, но какой-то нежный, во всем светлом, видно, из отличников и благородных. Только таким вот место в филармонии.

Когда на сцену вышли раскрепощенные музыканты и стали изгаляться над какой-то роскошной – явно украденной ими – темой, я впала в транс. Мне было хорошо.

Очнулась я, когда объявили антракт. Зрители высыпали в фойе, где в течение десяти минут должны были смести всю фанту и кремовые пирожные. Это у них ритуал такой.

Во втором отделении от парочки справа осталась только половина: девушки не было. А парень чуть себе шею не свернул, высматривая ее в проходе. Но погас свет – девушка не пришла.

– Что-нибудь случилось? – спросила я, уж больно растерянным выглядел мой сосед.

– Даня куда-то пропала. Девушка, с которой я только что был.

– Вы поссорились?

– Да нет же, выпили по фанте, она сказала, что сейчас придет, а сама исчезла...

– Характер сложный?

– Характер нормальный. Она не способна на такие фортели.

И он ушел.

Во мне проснулся охотничий инстинкт. Кроме того, меня замучила икота. Она так неприлично давала о себе знать, что мне тоже пришлось покинуть зал. Музыкант в клетчатом пиджаке, выколачивающий очередную порцию вариаций из готового рассыпаться на части рояля, как мне показалось, со злостью посмотрел мне в спину. Ну и пусть. Джаз – это прежде всего свобода. А для меня это оказалось свободой перемещения в пространстве.

Я спустилась в полуподвальное помещение, где располагались гардероб и туалеты. Хотела взяться за ручку двери дамской комнаты, как дверь сама открылась, и мне навстречу, чуть не сбив меня с ног, вылетел какой-то мужчина. Я была отброшена в сторону и, потеряв равновесие, даже упала на пол. Быстро поднялась, чтобы двинуть этому нахалу, но его уже не было. Почему-то запахло яблоками.

И только секундой позже, потирая ушибленный локоть, я задала себе вопрос: а что, собственно, делал этот мужик в женском туалете?

...Я вышла оттуда через четверть часа. Мне не требовалось смотреть на себя в зеркало, поскольку я и так знала, что лицо мое белее мела. В сумочке моей лежало нечто завернутое в целлофановый пакет.

Глава 2

Действующие лица

Я не была уверена, что он придет. Некоторые на его месте просто дернули бы из города и воспринимали случившееся как страшный сон. Действительно, кто она ему – просто знакомая, девушка, с которой он пару раз, быть может, поцеловался в подъезде или на дискотеке. Безусловно, красивая. У нее светлая коса и, кажется, голубые глаза. Нежная, хрупкая...

Если первый раз я увидела ее в зале филармонии, то последний – в женском туалете, прямо посередине его, лежащей с перерезанным горлом. Ее прозрачное, цвета майских голубых ирисов платье было искромсано и напиталось кровью.

Костя, так звали парня, который привел Даню Неустроеву на концерт, долгое время находился в шоке. Было тихо, и лишь ленивая до безобразия мелодия, выводимая саксофоном наверху, напоминала о том, что мы находимся в филармонии, а не на бойне или в морге.

Звук капающей воды, белый кафель, труп...

– Слушай, мой тебе совет. Возьми себя в руки, дождись милиции, а потом приезжай ко мне. Меня зовут Татьяна Иванова, можно просто – Таня. Я – частный детектив. Держи, – я протянула ему филармонический билет с нацарапанным на нем адресом и телефоном. – Словом, делай так, как считаешь нужным.

Я оставила его стоящим в коридоре с моим билетом в руках. Он был в шоке. Это несомненно.

А поздно вечером раздался телефонный звонок. Он проверял, дома ли я. А потом приехал.

Выглядел он неважно. Осунулся, вместо румянца на щеках был какой-то сероватый налет. Огромные черные глаза смотрели так, словно видели перед собой мертвую Даню. Они были широко раскрыты.

Я усадила его в кресло и налила коньяку. Меня-то он застал в расхристанном состоянии. В пижаме и халате, на котором еще оставались крошки орехового печенья. Я готовилась ко сну. Хотя мой мозг оставался в рабочем состоянии. И недоумении. Ведь я, по сути, столкнулась лоб в лоб с убийцей, но совершенно не запомнила его.

– А почему ты называл ее Даней? Какое у нее полное имя?

– Даша. Дарья.

Он выпил, я протянула ему дольку лимона в сахаре.

– Только не думай, что тот, кто это сделал, думал о Дане. Скорее всего это маньяк, и ему до лампочки – Даня это или Маша. Если бы убийца хотел убить именно твою Даню, ему понадобилось бы нанести ей всего один удар ножом. Но он, похоже, мясник. Это больной человек. Такие обычно «настроены» на определенный тип женщин. Возраст, цвет волос, телосложение. Я говорю, исходя из своего опыта. Возможно, что этот отбирает женщин или девушек по другим принципам. А вот по каким, надо выяснить.

Я перевела дух и посмотрела на молчаливого гостя. Он, казалось, был совершенно равнодушен к происходящему.

– Алло, Костя, ты меня слышишь?

– Я отлично слышу и вижу. И готов сделать все для того, чтобы отыскать этого ублюдка. Я задушу его вот этими руками.

– Для того чтобы это сделать, – отозвалась я, наливая себе чаю, – его прежде надо поймать. А как?

– Вы же детектив. Мне один приятель как-то рассказывал про Таню Иванову. Там было сложное дело – убили друга его отца...

– В Пицунде? – вспомнила я.

– Ну да. Значит, это вы! Короче. У меня риэлтерская фирма «Дрофа». Так вот, хотите – деньгами, хотите – можете получить квартирой. Мы все оформим документально. Я люблю порядок во всем. Стараюсь никого не обманывать.

Я подождала, пока он кончит лить воду, покивала для приличия головой. Договорились о квартире. Но я потребовала аванс. Без аванса работают только альтруисты. Я же всегда была полной противоположностью представителей этого редкого племени.

– А теперь к делу. Вот вам блокнот, запишите сюда все, что вы знаете о Дане. – Я незаметно для себя перешла на «вы», но тут же поправилась. – Напиши имена и фамилии ее близких, друзей, где учился, работает, адрес...

Он повертел блокнот в руках и посмотрел на меня с виноватым видом.

– Но я почти ничего о ней не знаю. Мы знакомы всего неделю. Встречались всегда у памятника Чернышевскому. Знаю только, что жила она где-то на Стрелке с родителями. Училась, вернее – поступала в консерваторию, на арфу.

Я даже присвистнула от удивления. Арфистка. Редкая специальность.

Он оставил мне сумму, вполне достаточную для того, чтобы я просто сдвинулась с места, записал свои координаты и ушел.

«Всю ночь будет плакать», – подумалось мне тогда.

А наутро я отправилась в филармонию. Предъявляя свой документ, я еще до приезда представителей закона принялась потрошить всех, кто находился там в этот час, на предмет адресов кассирш и билетеров. Мне необходимо было узнать, кто и каким образом покупал билеты в филармонию, не показался ли им странным кто-нибудь из входивших или покупавших билеты. Кроме того, меня интересовала сеть распространителей билетов. Кто эти люди и по какому принципу они работают.

Об убийце я знала следующее: он высок и силен (в чем я смогла убедиться, можно сказать, физически, когда он отшвырнул меня на пол), от него почему-то пахнет яблоками, он психически нездоров, у него есть нож, он любит убивать.

Не густо.

Я пыталась связать его выбор места убийства с музыкой, но у меня ничего не получалось. Хотя отказываться от этой версии было пока рано.

В одиннадцать утра я была на другом конце города и звонила в дверь билетерши.

Мне открыла серая невзрачная женщина в домашнем халате. Сожженные химией волосы торчали в разные стороны. Желтые водянистые глаза смотрели с недоверием.

– Частный детектив? А что случилось? Что-нибудь с Кириллом?

– А кто у нас будет Кирилл? – спросила я, следуя за хозяйкой в кухню.

– Это мой внук. Он что-нибудь натворил?

– Вполне вероятно. Но я надеюсь, что пришла все же не по его душу. Вы вчера во сколько ушли с работы?

– Знаете, рано... – Она заметно покраснела. Она была из тех вымуштрованных совдепией людей, которые старались находиться на работе от звонка до звонка и не представляли себе жизни вне заведенного порядка. – Понимаете, зрителей мало, я проверила билеты, послушала немного концерт, джаз я не люблю, мне больше нравятся романсы...

– Ну и?..

– Ну и пошла домой, – сдалась она. – Там оставалась еще Валентина Ивановна, наш администратор. Она, кстати, была не против моего ухода.

– У вас хорошая память?

– Нормальная. А что случилось?

– Сразу после антракта в женском туалете была зверски убита девушка. Убийца, разумеется, находился какое-то время в филармонии. Вот я бы хотела узнать у вас, не заметили ли

вы среди зрителей высокого мужчину, одинокого, с лицом... как бы это вам сказать... Словом, такие люди, как правило, практически не ходят ни в филармонии, ни в музеи...

– Я поняла, вы имеете в виду, не видела ли я человека, похожего на преступника? – Билетерша прониклась задачей и теперь изо всех сил старалась помочь мне. – Видела. Я видела двух... нет, трех мужчин, которые были без женщин. Знаете, я человек наблюдательный, мне всегда интересно определить, кто что из себя представляет. Супружеские пары я вижу невооруженным глазом. Одиноких, случайно познакомившихся людей я тоже чувствую. У них взгляды особенные. Они словно присматриваются друг к другу, чуть ли не принимают, а мужчины в таком положении очень сильно экономят в буфете. Боятся лишнее потратить, человека-то еще не знают...

– Значит, вы иногда остаетесь и до антракта?

– Иногда. Особенно когда Зоя, это наша буфетчица, приносит из ресторана мои любимые пирожные, эклеры. Вот я один ем прямо там, на работе, а еще два или три несую домой. Себе и Кириллу. Он их просто обожает...

– Ну и кто же были эти одинокие?

– Это наши постоянные посетители. Холостяки. Один, ему шестьдесят...

– Другой?

– Лет двадцать с небольшим. У него проблема, – она на какое-то мгновение превратилась в типичный образчик ханжи, даже губы надула, сложила руки на животе, и что-то непримиримое появилось в выражении ее лица, – он партнеров себе ищет. Мужчин. Вы понимаете меня?

– Понимаю. Судьба у них такая. А еще кто?

– Храмов. Я его знаю. Бывший режиссер. У него жена в прошлом году умерла. Вот он от тоски и скуки ходит к нам. Мы его без билета пускаем. Наталия Петровна его тоже уважает...

Наталия Петровна – я уже была осведомлена – была второй билетершей. Они работали по очереди. Но иногда, когда Наталии Петровне было скучно сидеть дома, она приходила не в свою смену и помогала Клавдии Михайловне (у которой я сейчас сидела) в гардеробе или даже в буфете. Это был свой мирок со своими простенькими радостями и привычками.

– В филармонию можно войти через другой вход?

– Можно. Если там открыто.

– А вчера, вы не знаете, там было открыто?

– Нет. Точно нет. У них что-то с замком случилось. Они звонили слесарю, вызывали...

– А как выглядит слесарь?

– Высокий, здоровый такой парень, живет рядом с филармонией.

– А как его зовут?

– Миша. Лавров. Он слегка ненормальный. Не в себе.

В моем блокноте было достаточно много имен и фамилий. Миша, хоть он по словам Клавдии Михайловны, был ненормальным, оказался в компании вполне нормальных людей. Две билетерши: Клавдия Михайловна, Наталия Петровна, внук Кирилл, Костя-риэлтер, Даня – несчастная жертва маньяка.

Да, еще Храмов – вдовец, который со скуки ходит в филармонию. А если прибавить к ним с десяток одиноких мужчин, которые просто не попали в поле зрения Клавдии Михайловны, то получается полный ноль. Убийца мог прийти с женщиной или, во всяком случае, сделать вид, что идет с женщиной. Хотя это не так просто изобразить, учитывая, что в зале было всего человек пятьдесят. Скорее всего убийца первое отделение концерта находился в зале, высматривал будущую жертву или просто изнывал от желания кого-нибудь убить, затем наступил антракт, он вышел со всеми в фойе, походил там немного, подождал, когда в женском туалете останется одна девушка, зашел туда – это каким же надо быть внимательным, чтобы вычислить, сколько женщин вошло в туалет, сколько вышло и кто остался! – и убил.

И он не боялся, что кто-нибудь войдет туда? Какая-нибудь заблудшая овца (в виде перепившей фанты студентки, к примеру).

Ведь ему потребовалось минимум несколько минут, чтобы так растерзать Даню.

Я поблагодарила Клавдию Михайловну и помчалась в злополучную филармонию.

Ворвавшись словно ураган в женский туалет – пришлось скорчить мину, при виде которой невозможно не впустить человека в подобное заведение, – я остановилась и начала осматривать помещение. В последней кабинке, где уборщицы обычно хранят швабры, ведра и прочую дребедень, я нашла наконец то, что искала.

Среди этого незатейливого инвентаря я обнаружила только одну швабру, палка от которой соответствовала бы расстоянию между дверной ручкой и самой дверью. Я вставила швабру и закрылась изнутри. А вот и вмятины в палке, свидетельствующие о том, что убийца, прежде чем наброситься на жертву, заперся шваброй, чтобы ему никто не помешал.

Ну и что с того?

Вечером я встретила со второй билетершей, Наталией Петровной, поговорила с администраторшей, увидела слесаря Мишу. Они ничего не заметили. Публика была самая обычная, много знакомых, постоянных зрителей. Хотя все отметили Храмова и парня-гомосексуалиста, как очень запоминающихся.

Я решила поприсутствовать на вечернем концерте симфонической музыки, чтобы своими глазами увидеть некоторых действующих лиц моего расследования, но перед этим заехала в небольшой частный ресторан, где на убой кормили «новых русских».

Там я встретила своего знакомого, Сережу Климова, бизнесмена, занимающегося сыром. Я знала, что весь сыр, привозимый в наш город из Швейцарии, Голландии и Германии, проходит через его руки. Наверное, он на него уже и смотреть-то не может.

Он пригласил меня за свой столик и угостил... сыром. С плесенью. Я отказалась. Этот продукт я ем под настроение и хорошее красное, преимущественно испанское вино.

– Веришь, нет – кусок в горло не лезет, – говорил он мне с набитым ртом, в котором соседствовали рыба, профитроли с маслом и икра, – и я ему, конечно, не верила, – навещал своего друга в железнодорожной больнице, а там только что девицу зарезали. Как гусыню. Горло перерезали. В процедурной, недалеко от той палаты, где мой дружбан лежит. Кровищи – море. Я сам лично видел. Везде все белое, прикинь: кафель, шкафчики и – кровь... Брр... Тебя не тошнит?

Я хотела ему сказать, что меня тошнит от того, как некрасиво он ест, но воздержалась. Пусть человек наслаждается...

– А кто эта девушка?

– Как кто? Медсестра, конечно. Она моему Ромке укол в задницу сделала и пошла к себе... А тут нате вам! Говорят, что ее изнасиловали... по полной программе. А потом изрезали. И охота людям?! Хочешь, клубнику со сливками для тебя закажу?

– Закажи. Только без плесени.

– А как твои дела? Тебе уже пора свою контору открывать. Прикинь: частное детективное агентство «Иванова и К°».

– Считай, что я его уже открыла. – Я спросила Сергея, как продвигаются дела у его брата, которого я пару лет назад вытащила из одной передраги и который в порыве благодарности чуть было не сделал мне ребенка.

– Славик до сих пор не может понять, почему ты его тогда отшила. Такой видный парень, при бабках...

– Просто я по мере возможности стараюсь не смешивать работу с личной жизнью.

– А я вот смешиваю, – загоготал Сергей, – и каждый день. Прямо в своем офисе.

– А своих девушек чем, сыром кормишь? Он у них уже, наверное, из ушей лезет, – подерживала я дежурный разговор, хотя мне не давала покоя информация об убитой в больнице девушке. Похоже, в нашем городе появился маньяк.

– Обижаешь, начальник. Я на девушек такие деньги трачу, тебе даже и не снилось. Сыром! Скажешь тоже! Да они у меня в январе свежую землянику ели, а летом вот в Африку с одной поеду.

– А как же жена? – спросила я, зная, что для Сергея семья – как любит он выражаться – святое.

– Семейство уже в Греции. У родственников гостят.

– А неизвестно, кто девушку в больнице убил? Никто никого не видел?

– Видели. Какой-то мужик выбежал из больницы, сел на белую «Ауди» – и поминай как звали...

Густой суп из моллюсков в сочетании с фаршированной индейкой подействовал на меня, как пишут в романах, умиротворяюще.

– Тебя подвезти? – спросил Сергей, расплачиваясь за два обеда.

Он подвез меня до филармонии.

– Музыкой интересуешься? – спросил он. – Или пасешь кого-нибудь?

Меня раздражала эта категория людей, воспринимающих меня вот так однобоко, как будто у меня больше нет дел, кроме слежки или нокаутирования беззащитных преступников.

– Ко мне тут на днях один человек приходил, – сказала я, глядя ему прямо в глаза, – так вот, он попросил, чтобы я присмотрела за тобой... И кучу баксов мне отвалил за это.

Сергей вытаращил глаза.

– Ты и в ресторан не случайно зашла?

– Разумеется.

– Кто же такой? И вообще, откуда ты могла знать, что я именно сюда приеду обедать?

Я только хмыкнула. Не буду же я ему объяснять, что этот ресторан расположен ближе всего к филармонии.

– Да, – протянул он, – ты, Танька, профессионал. А кто нанял тебя, я и так знаю. Я этому хмырю пять тысяч баксов должен, вот он и следит за мной, чтобы я не свинтил в Грецию, с концами в смысле... Так ты ему скажи, что я на следующей неделе ему долг верну. Пусть он на частных детективов не тратится.

Фортепьянный концерт № 2 Рахманинова сначала взбудрил меня, а потом мне стало грустно. И вообще, музыка делает с нами, людьми, что угодно. Но я пришла в филармонию не ради музыки. А скорее – ради антракта. В самом начале, почти не отходя от Наталии Петровны, я пыталась с ее помощью определить, кто из пришедших на концерт зрителей холостой, кто ищет себе здесь спутника жизни, кто партнера, а кто просто не может жить без музыки.

Парня-гомосексуалиста я вычислила быстро, когда находилась еще в зале. Он, этот парень в синем свитере, несмотря на жару, меньше всего интересовался музыкой. Судя по всему, ему достался билет рядом с двумя молоденькими девушками. Он раз пять подряд снял и снова надел этот несчастный свитер, хрустел целлофановым пакетом, из которого то и дело доставал поочередно то пряники, то яблоки. И так длилось до тех пор, пока девушки на него не цыкнули. Он сразу надел свитер, набил рот огромным яблоком и замер, пережевывая и глотая его. (Кстати, после антракта, когда он хотел вернуться на свое место, девушки сказали ему что-то такое, после чего он ретировался вообще на второй, почему-то пустой ряд.)

Гомосексуалист он был скорее всего (я в этом не очень-то разбираюсь) пассивный, поскольку вид имел какой-то женственный и беззащитный. Это явно не он сбил меня с ног вчера вечером возле женского туалета. Тот был покрупнее.

В антракте я присматривалась ко всем мужчинам. Зрителей так же, как на вчерашнем концерте, было маловато. И действительно, холостяков можно было заметить за версту. Осо-

бенно бросались в глаза профессиональные холостяки – прилизанные, причесанные, у которых на лбу написано: «Не кантовать». То есть они гордились своим холостяцким положением и сами, в одиночку, справлялись со всеми бытовыми проблемами.

Холостяки же не по своей вине выглядели, как брошенные домашние животные: неопрятный внешний вид, потерянный взгляд человека, которому родные посоветовали сходить «на концерт», чтобы присмотреть себе там «приличную женщину».

Среди мужчин, которые пришли в этот вечер без женщин, под облик убийцы по комплекции больше всего подходил Храмов, о котором мне рассказывала Клавдия Михайловна. Этот мужчина не был похож ни на холостяка со стажем, ни на брошенного мужа. Он был какой-то особенный.

Стараясь держаться нейтрально, независимо, он в то же время был очень любезен с дамами, с которыми был знаком. Но взгляд его почему-то выражал беспокойство. Казалось, что он постоянно кого-то выискивал.

В самом конце антракта, вдруг кому-то кивнув – я не заметила кому, – он неожиданно кинулся в буфет и взял себе стакан сока.

Я спряталась за бархатную портьеру, расположенную перед небольшой нишей. Мне были видны фойе с буфетом и Храмов – пятидесятилетний холеный светский лев в мягком вишневом джемпере и светлых брюках.

Оглянувшись, очевидно для того, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает, он, глядя куда-то в пространство, достал из кармана брюк какой-то листок и сунул его за чем-то в пустой уже стакан. И отошел.

Откуда ни возьмись появился другой мужчина – во всем черном – и тоже взял себе стакан сока. Он стоял в двух метрах от Храмова. Выпив сок, он поменял местами стаканы, достал листок, сунул его в карман и пошел в зал, где уже постепенно гас свет. Следом зашел Храмов и сел – мне было видно – на пять рядов ближе к выходу. Конспираторы...

Рахманинов меня вдохновлял. Я решила проследить за мужчиной в черном после концерта. А пока я вспомнила вдруг про чудесные эклеры, которые так разрекламировала мне накануне билетерша, сказав, что их обожает и ее внук. Интересно, сколько ему лет?

Я взяла себе три эклера, пользуясь тем, что буфетчица Зоя еще не ушла, и два стакана апельсинового сока, которые так помогли двум подозрительным мужчинам обменяться какой-то информацией.

А что, если они тоже гомосексуалисты и таким вот образом объясняются друг другу в любви? Я чуть не поперхнулась, подумав об этом.

Неожиданно из зала вышел чем-то раздосадованный парень-гомик.

– Опять никого не нашел, – вздохнула буфетчица Зоя. Сердобольная женщина. Вошла, видать, в положение.

А эклеры действительно оказались вкусными, свежими и приготовленными на настоящем масле...

Я вышла на свежий воздух. Улицы были уже полупустынны, вокруг все приобрело оранжевый оттенок, словно город утонул в слегка разбавленном коньяке. Это включили электрическое освещение.

После концерта Храмов пошел в одну сторону, а черный мужчина в противоположную. Я – за ним, цокая каблучками. Поравнявшись с ним, я сделала вид, что оступилась. Ухватила его за локоть и, хохоча, повисла на нем.

– Извините, – произнесла я пьяным голосом. – Сейчас каблучки в моде.

– Что вы сказали? – спросил «черный» с недовольным видом. Очевидно, он презирал подвыпивших женщин.

– Я сказала, что вы классный мужчина и что я могла бы составить вам компанию.

Он ничего не ответил, а я делала вид, что никак не могу его догнать.

Он привел меня в гостиницу «Братислава». Высокое, стройное как кипарис здание светило десятками окон.

Он вошел в просторный холл, я за ним.

Администраторша кинулась ко мне, чтобы обезвредить меня и спасти мужчину, но он вдруг взял меня за руку и сказал:

– Эта девушка со мной, – и мы направились к лифту. Оказывается, у него был сильный акцент, что выдавало в нем либо немца, либо эстонца. А может, и американца, в акцентах я не сильна. Но то, что он не принадлежал к желтой расе, было несомненным.

– Приятель, ты кто: эстонец или немец? – спрашивала я уже у него в номере.

– Немец. Меня зовут Клаус. А тебя? – Он показал кресло, куда можно сесть, и открыл бар. – Ты будешь еще пить?

Он обращался ко мне на «ты» – значит, клюнул.

– Меня зовут Маша, – сказала я и улыбнулась. Меня больше всего сейчас интересовало одно: как бы вытянуть у него из кармана листок, переданный ему Храмовым. Вряд ли это было связано как-то с убийством Дани Неустроевой. Но все равно, передача листка выглядела более чем странно. Я не могла пройти мимо этого и теперь вот сидела в гостиничном номере, изо всех сил изображая проститутку.

Он поинтересовался, сколько я стою. Я ответила. Он молча показал мне на дверь.

– Я думала, что только наши мужики такие прижимистые, а оказывается, что и на Диком Западе то же самое. – Я полезла к нему, обняла за шею, рука моя в это время незаметно скользнула в карман брюк. Не знаю, в какое уж такое чувствительное место я попала, но Клаус перестал сопротивляться и замер. Мне стало противно, и я, сжимая в руке украденный листок, оттолкнула незадачливого иностранца от себя и бросилась вон из номера.

– Насилуют! – принялась кричать я на весь этаж. Но на мои крики почему-то никто не реагировал.

Я спустилась на лифте вниз, вышла на улицу и глотнула свежего воздуха. Нет, какой все-таки был приятный вечер. И музыку послушала, и с иностранцем познакомилась. Теперь бы добраться до Храмова...

Я села на скамейке под фонарем, развернула листок и увидела несколько строк со сплошными цифрами. Вот только цифр-то мне на сон грядущий и не хватало.

Может быть, Даня была у них связной?

В конце тяжелого дня какие только мысли в голову не полезут...

Я приехала домой, набрала в ванную побольше теплой воды и собиралась уже лечь, как зазвонил телефон.

Я взяла трубку. Звонил Костя.

– Даню успели изнасиловать, – сказал он мне бесстрастным тоном, и я поняла, что его печаль по погибшей девушке уступила место глухой боли и ненависти. – Как продвигаются дела?

– Вполне нормальными темпами, если учесть, что мы с тобой расстались сегодня утром.

– Да нет, я не тороплю... Я все понимаю. Когда мне можно будет перезвонить, чтобы не показаться назойливым?

– Звони в любое время, если застанешь.

– Кстати, вы не слышали еще об одном убийстве?

И я подумала, что месяц июль будет горячим не только в прямом смысле...

Глава 3

Несостоявшееся свидание

В три часа у нее была назначена примерка. А в пять – встреча с женихом.

Ей оставалось сделать укол Роману Терехину, прибрать в процедурной, и все. Она была свободна до утра.

Роман – крупный волосатый мужчина, весельчак и задира, до смерти боялся уколов и всегда спрашивал Катю перед тем, как она его уколёт, сколько будет стоить эта процедура с обезболиванием. Они постоянно шутили по этому поводу. Но после того, когда последний «кубик» растворился в ягодичной мышце, Роман неизменно спрашивал: «Ну, скоро?» Он не чувствовал момента прокола и введения лекарства, поскольку у Кати была легкая рука и уколы она делала практически безболезненно.

Вот и в этот раз, когда все было закончено, Роман кивнул ей на гроздь бананов на столике:

– Это тебе, Катюша. Жаль, что ты уходишь, навестила бы меня ночью, а то здесь скука страшная...

Катя обычно отказывалась от подарков, но от бананов – не смогла. Они были такие свежие на вид, такие аппетитные, что она, поблагодарив Романа, взяла их со столика и уже в коридоре, не доходя до процедурной, съела один. С наслаждением.

И вообще – все вокруг было великолепно. День за прозрачным стеклом окна играл солнечными бликами, шумела листва, свежий ветерок, ворвавшийся в больничный коридор, заглушил специфический запах ароматом цветущих под окнами флоксов.

Она представляла себе, как прекрасно будет выглядеть в новом летнем платье, как удивится жених, увидев ее в этом открытом прозрачном наряде.

Она взялась за ручку процедурной и, сделав только первый шаг, поняла, что тут кто-то есть.

– Кто здесь? – спросила она наигранно строгим тоном.

– Это я, ты меня не узнала? – Навстречу ей двигался высокий крепкий мужчина с ножом в руке. Глаза его блеснули, на лбу выступила испарина. – Раздевайся, – произнес он хриплым голосом, и Катя с ужасом увидела, что брюки мужчины уже расстегнуты. Похотливая физиономия его надвигалась все ближе и ближе. Он, не глядя, пнул ногой дверь, затем закрыл ее на ключ – Катя еще успела подумать, что он, пока дожидался ее, изучил расположение замка и, может быть, даже прорепетировал, как будет запирается, – и вплотную подошел к ней.

– Быстрее, я же сказал! – шепотом, от которого у нее мороз прошел по коже, процедил он, с размаху уложив ее лицом вниз на столик с лекарствами. Она чувствовала, что он, сорвав с нее последнее белье, всадил в нее что-то острое. Раздирающая боль парализовала ее, но она не смела пошевелиться. Нож насильника находился рядом с ее виском и дергался в такт совершаемому действию. Перед тем, как погрузиться в обморок, Катя услышала звук капающей в раковину воды и тяжелое дыхание мужчины. А еще она успела увидеть бананы, забрызганные ее кровью.

Потеряв сознание от болевого шока, она соскользнула со стола и, уже оказавшись на спине, не чувствовала, как мужчина, вывернув ей для удобства ноги, продолжил это чудовищное надругательство.

Она была еще жива, когда он полоснул ей лезвием ножа по горлу. Брызнула густая горячая кровь. Убийца принялся наносить ей удары ножом в живот. От вида крови, растекающейся по белому кафельному полу, мужчина вдруг замер и застонал от переполнявшего его сладострастного чувства. Все было кончено.

Он поднялся с пола с трясущимися коленями, привел в порядок свое белье, надел брюки, предварительно вымыв руки и нож и промокнув носовым платком мокрое лицо и шею, подошел к двери. Он был вполне удовлетворен.

Прислушался. Никого.

Пока он быстрыми шагами шел по коридору от процедурной до лестницы, ему не повстречалась ни одна живая душа. В больнице был тихий час.

Глава 4

Дом артистов

Маньяк в городе – это как эпидемия. Я позвонила своему приятелю, следователю прокуратуры Владу Цусимову, и напросилась на чашку чая. Что означало – балык мой, пиво его. Он жил на соседней улице, и мы иногда обменивались с ним визитами и информацией. Вернее, он пытался что-то вытянуть у меня, когда наши интересы пересекались, а я, соответственно, у него. Это была своеобразная игра, полезная нам обоим.

– Как выглядела погибшая девушка? – спросила я, когда мы с ним уединились на кухне, а его жена, зная, что это ненадолго, пошла погулять с собакой.

– Обычная девушка, каких тысячи. Короткая стрижка с химией, приятное симпатичное лицо, средняя, ничем не выделяющаяся фигура. Я уже понял тебя: нет, она не похожа на Дашу Неустроеву. Даша – слишком юная и породистая, что ли, по сравнению с Катей Хлебниковой. Их объединяет лишь то, что они одного пола. Ты меня поняла?

– Поняла, конечно. Но без каких-либо закономерностей трудно искать.

– Это у тебя сейчас одно дело, а у меня таких, знаешь, сколько?

– Изнасилования с убийствами?

– Нет. Просто убийства, кражи в особо крупных размерах, да и вообще – люди пропадают. Балык – класс! Люблю, когда он такой мягкий и не надо рвать его зубами.

Он такой, этот Владик, из него слова лишнего не вытянешь.

Я поняла, что наш разговор закончен.

Мне бы в постель и поспать хорошенько, но вместо этого я, несмотря на ночь, поехала в железнодорожную больницу.

Понимая, что в такой час меня навряд ли кто туда пустит, я забралась в больничный сад и, сориентировавшись по окнам корпуса, в котором произошло убийство, присмотрела приоткрытое окно коридора.

Первый этаж, клумба под окном. Я осторожно вскарабкалась на подоконник и открыла окно чуть пошире. Протиснулась, спрыгнула на пол и крадучись пошла в сторону лестницы, чтобы подняться на второй этаж.

Толкнув первую попавшуюся дверь с табличкой «Душ», я увидела в этой крошечной, плохо освещенной кабинке висевшие на крючках белые халаты. Надев один из них, я уже более смело пошла по коридору.

Вот она – процедурная. Я постучалась и, не дожидаясь ответа, вошла.

Там при свете небольшой настольной лампы сидели три женщины в белых халатах. Пахло луком и спиртным. Я поняла, что это коллеги поминают Катю Хлебникову.

– Я извиняюсь за столь позднее вторжение, но мне хотелось бы взглянуть на место трагедии. – Врать все равно было бессмысленно.

Женщины находились уже в таком состоянии, что готовы были простить всех и каждого, кто мог бы помочь найти убийцу. Но я для верности показала им свою лицензию.

– Тебя Саша, что ли, нанял? – спросила самая старшая. Глаза ее были заплаканы.

– А кто это? – спросила я.

– Жених ее. Саша Сквозников. Курсант военного училища. Они пожениться должны были в сентябре.

– Нет. Меня нанял другой человек, но тоже очень близкий Кате. Вы не покажете, где нашли труп?

Они показали.

– Вот тут она, голубушка, лежала, – запричитала старшая.

- А почему здесь у вас так странно пахнет?
- Водкой, что ли? Или салатом?

Я не могла описать им тот едва различимый запах, который так насторожил меня еще в филармонии. Я просто чувствовала, что убийца Дани и Кати – один и тот же человек. Конечно, если его можно назвать человеком.

Понятное дело, то, за чем я пришла в эту комнату, уже успели подобрать эксперты. Потом здесь тщательно помыли полы. И все равно этот запах, похожий на яблочный, не давал мне покоя.

– Неужели никто не видел убийцу? – спросила я, принимая приглашение поучаствовать в этом грустном застолье и пригубив немного водки.

– Кто-то из пациентов говорил, что какой-то мужчина почти бегом бежал из корпуса к воротам, где его ждала белая машина...

– «Ауди», – сказала другая женщина, очевидно, медсестра.

Про белую «Ауди» я уже слышала от Сережи Климова, друга того самого Романа, которому Катя сделала свой последний в жизни укол.

Я попрощалась с женщинами и ушла.

Дома я долго не могла уснуть, смотрела телевизор и думала о событиях прошедшего дня.

Мой блокнот пополнился еще двумя именами: Клаус – иностранец, у которого я стащила зашифрованную записку, и Саша Сквозников – жених Кати Хлебниковой.

Я достала из сумочки и еще кое-что, засунутое в целлофановый пакет. Это были засохшие кусочки чего-то очень похожего на тесто. Я обнаружила их на полу туалета в филармонии, возле убитой Дани. «Может быть, – сказала я себе, – эта ерунда поможет мне найти убийцу».

Наутро я, выпив кофе и выкурив сигарету, поехала в театр драмы и напросилась на чай к одной своей приятельнице, актрисе. До репетиции оставалось минут сорок, и Наташа была рада поболтать с человеком, которого давно не видела. То есть со мной.

Белокожая блондиночка с чуть припухшими глазами и большим ртом без грима выглядела довольно непрезентабельно.

– У меня есть одна знакомая, я хочу выдать ее замуж, – начала я врать прямо с ходу. – Ты не знаешь такого режиссера Храмова?

– Бесплезный номер, – сказала Наташа, намазывая джем на булочку с маслом, – ему, по-моему, никто не нужен.

– Говорят, он вдовец и очень тоскует по своей жене...

– Чепуха. Жена его болела лет десять и была для него страшной обузой. Валентин Георгиевич – страшный жизнелюб. Он, наоборот, насколько я знаю, прямо-таки воспрял духом после ее смерти. У него прекрасная квартира в центре города, полно любовниц, машина шикарная... Он живет в свое удовольствие.

– А чем он занимается?

– Не знаю. Раньше он какое-то время работал в нашем театре, потом в ТЮЗе, а сейчас, мне кажется, нигде. Живет не то чтобы на широкую ногу, по ресторанам-то не ходит, но все равно... чувствует, что деньги у него есть.

– Как ты думаешь, согласится он познакомиться с моей подругой?

– Не знаю. Она молодая?

– Ну... в общем, да. Как я. Только очень застенчивая.

– Э... нет, застенчивые ему не нужны. Он бабник, как ты не поймешь?

– И все-таки я попытаюсь... Ты мне не скажешь, где он живет?

– Знаешь тот дом возле центрального парка? Там живут одни артисты. Второй этаж, первая дверь налево. Если мне не изменяет память, там даже есть табличка «Храмов В. Г.».

– Тебе тоже приходилось там бывать?

– Ну, приходилось, и что ж с того?

– Я его, кажется, видела в филармонии... Представительный брюнет с проседью. На нем был еще такой красивый джемпер вишневого цвета и...

– Это он. Даже говорить нечего. Этот свитер ему привезла одна моя знакомая из Франции.

Продолжать дальше разговор о Храмове уже не имело смысла: я узнала, где он живет, а это, собственно, было все, что мне требовалось.

– Но его на мякине не проведешь, – неожиданно сказала Наташа. – Он гусь еще тот.

– В каком смысле?

– В том смысле, что палец ему в рот не клади.

– Ты проще выражаться умеешь? Популярнее, пожалуйста.

– Просто хитрый мужик, вот и все. Больше ничего тут не скажешь. По-моему, он занимается каким-то бизнесом. Чуть ли не девочек поставляет кому-то, но, возможно, это только разговоры.

– Какой интересный мужчина, – присвистнула я, – а я-то, дура, хотела познакомить его с приличной девушкой для создания, так сказать, семьи. Вот бы влипла.

И, обменявшись двумя-тремя ничего не значащими фразами, мы с Наташей расстались.

– Приходи на спектакль, – предложила она мне напоследок.

– Обязательно, – соврала я.

Уже в машине я подумала о том, что раз Храмов нигде не работает, то в этот утренний час он наверняка дома.

Я понимала, что Храмов – не убийца, но он заинтриговал меня своей запиской настолько, что я отложила визит к Саше Сквозникову.

Дом стоял в тихом зеленом переулке, и все живущие поблизости завидовали его жильцам. Всем было известно, что в этом доме шикарные, сделанные по индивидуальным проектам двухэтажные квартиры, с высокими потолками и прочими атрибутами комфорта. Говорили, что там в прихожих можно ездить на велосипеде.

Когда я звонила в дверь с табличкой «Храмов В. Г.», я и сама еще не знала, что скажу и как объясню свой визит.

Дверь открыл худощавый мужчина лет сорока.

– Вы – Храмов? – спросила я, хотя прекрасно видела, что это совсем другой человек.

– Нет. Но он дома, проходите, пожалуйста. – И мужчина впустил меня в квартиру.

Не знаю, как кого, а меня роскошь никогда не угнетает. Больше того, в подобной обстановке, находясь среди красивых и дорогих вещей, я словно оживаю. Вот и тогда, чуть не задев напольную китайскую вазу – всю розовую в птичках, – я спокойно прошла в просторную гостиную, села в предложенное мне кресло и стала ждать появления хозяина.

Он вошел стремительно – так обычно не ходят дома, – и комната тотчас наполнилась каким-то цитрусовым ароматом. Очевидно, Валентин Георгиевич только закончил свой утренний туалет.

– А я ждал вас, – сказал он, усаживаясь напротив меня в кресло, положив ногу на ногу. Он был в красном бархатном халате и черных бархатных домашних брюках. Гладко выбритое до синевы лицо, холодные голубые глаза, полные чувственные губы и аккуратный прямой нос. – Вас предупредили, что это произойдет здесь, у меня?

Я неопределенно кивнула головой.

– Да вы не бойтесь. Рано или поздно, но это должно было случиться. Вам сколько лет? Во всяком случае, не шестнадцать. А потому, голубушка, пора. Пора. – И он, потрепав меня по щеке, улыбнулся одними губами. Какой же у него все-таки жесткий взгляд!

Похоже, у Храмова на это время была назначена встреча с какой-то женщиной. Смутная догадка удивила меня. Но я прогнала ее прочь. Что такое должно произойти со мной сейчас? И что будет, если раздастся звонок и придет та девушка, за которую он меня принял?

– Некоторые мужчины предпочитают заниматься этим только по утрам, некоторые в ночные часы. Но, учитывая ваше состояние, я хочу предложить вам немного выпить. Разумеется, охлажденное вино ждет вас в спальне, и вы будете его пить с тем, кому предназначены, но все же...

– Нет, я не хочу пить.

– Тогда получите аванс, – и с этими словами Валентин Георгиевич достал из внутреннего кармана халата – очень интересное портновское нововведение – пачку долларов. На первый взгляд там было около тысячи баксов или даже чуть больше.

Я взяла деньги и спрятала их в сумочку. Конечно, его огромная квартира могла бы запросто сойти за публичный дом, но действовать вот так открыто, рано утром, да еще таким странным образом! Здесь крылась какая-то тайна.

В это время раздался звонок. Храмов сам пошел открывать. Меня разбирало любопытство. Что-то сейчас будет?

Он вошел не один. Рядом с ним стоял невысокий лысоватый человек в костюме и при галстуке. Типичный образчик чиновника областного масштаба.

– Вам туда, – сказал Храмов и указал на дверь. Человек взял меня за руку и потянул за собой.

Я была в некоторой растерянности. Что он собирается со мной делать за те деньги, которые мне только что вручили? Заниматься сексом? Это слишком тривиально. К тому же – за такие деньги! Быть может, девица, которая должна была сейчас находиться в этой спальне вместо меня, обладала какими-нибудь особенными физическими данными?

– Можете называть меня просто Аркадий, – сказал человек в костюме и принялся тут же освобождаться от него. Мы были одни в просторной, очень уютной спальне с большой кроватью, с зашторенным окном и маленьким ночником под розовым шелковым абажуром. – Я должен сразу оговориться, что сильно волнуюсь. Но я плачу за свои удовольствия.

Я заметила, как дрожат его руки, пытающиеся расстегнуть пуговицы рубашки. У него было белое, в рыжих веснушках, пухлое тело с небольшим животиком, какой вырастает у мужчин обычно к шестидесяти годам.

– Присяжьте вот тут, возле меня, я никуда не тороплюсь... Давайте выпьем вина. – Он протянул руку к столику, на котором стояла бутылка темного стекла с яркой наклейкой, и я заметила, что Аркадий весь покрыт рыжеватым пухом. – Скажите, а почему такая приятная девушка, как вы, все еще... девственница?

Вот теперь все стало на свои места. Храмов торгует девственностью.

– Я ее берегла для вас, – сказала я, придвигаясь к нему поближе. Он был совершенно голый, и никаких признаков возбуждения пока не наблюдалось. Так что я была в безопасности.

Он выпил вина и закусил лимоном. Я отказалась. Он сам походил на небольшой кислый лимон.

– Вам надо радоваться, – сказал потенциальный дефлоратор и потерся щекой о мое плечо. Пора было заканчивать спектакль.

– И часто вы бываете тут... с этой целью? – спросила я.

– Это зависит от моего финансового состояния, – честно признался он.

– А вот я здесь уже седьмой раз. – Я опустила глаза. – Вот так.

– Не понял. Вы хотите сказать, что бывали здесь, в этой спальне, семь раз и никому не удалось лишить вас девственности?

– Почему же. Очень даже удалось. Но потом одному хорошему врачу удалось так же хорошо восстановить ее. Я вам говорю это потому, что вы – самый мерзкий из всех мужиков, которых мне пришлось... Ну, неважно, что...

Я стремительно вышла из спальни и, столкнувшись в гостиной с Храмовым, молча пронеслась мимо него, ломая ногти, открыла все замки и буквально вылетела на свежий воздух. Меня прямо-таки трясло от чувства гадливости. Старые сладострастники! Какая мерзость!

Вспомнив о деньгах, которые лежали у меня в сумочке, я подумала, что вполне отработала их, наслаждаясь мужским стриптизом. И чего только люди не придумают, чтобы развлечься на фоне серого и беспросветного существования.

Теперь понятно, откуда у «несчастливого вдовца» деньги. Вот только при его роде деятельности совершенно необязательно пользоваться зашифрованными записками. Чертовщина какая-то.

И тут я увидела девушку. Она входила в подъезд, из которого только что выбежала я. Примерно такого же возраста, как я. Стройная. Как же ей нужны деньги, если она идет на такое! Вспомнив, что я все-таки занята поисками маньяка-убийцы, я решила проследить, выйдет девушка из этой страшной квартиры или нет. Сейчас, после моего внезапного ухода, Храмов с Аркадием, должно быть, уже разобрались, что к чему. И Аркадий наверняка вздохнет с облегчением, увидев эту овечку на закланье. Зато Храмов лишился доверенных ему авансовых денег.

Я села в свою машину и подъехала к «артистическому дому» на максимально близкое расстояние, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств успеть убраться отсюда как можно скорее.

Я искурила полпачки сигарет, прежде чем увидела выходящую из подъезда девушку. То, что именно она должна была встретиться с Аркадием, стало явным после первого же взгляда на нее.

Во-первых, у нее было совершенно красное лицо, во-вторых, растрепанные волосы, которые еще часа полтора назад были аккуратно заплетены в косу, в-третьих, изменилась ее походка. И вообще, она почти бежала, ничего не видя перед собой, поскольку плакала.

Эти старые скоты довели ее до слез и, наверное, заплатили только часть обещанных денег.

Я двинулась потихоньку вслед за девушкой. Теперь я, во всяком случае, была уверена, что Храмов если и сексуальный маньяк, то решает свои физиологические (и финансовые заодно) проблемы без ножа и крови. Что называется, по обоюдному согласию.

Девушка села в автобус, я поехала следом. Так я проводила ее до самого дома. Оставила машину у подъезда обычной пятиэтажки и без труда определила по звукам шагов и открываемой двери, где находится ее квартира. Навещать ее сегодня смысла не было – она явно находилась в шоке. Я решила оставить этот визит на потом.

Теперь мне предстояло встретиться с женихом Кати Хлебниковой. И я поехала в военное училище.

Глава 5

Шоколадные пирожные

Агент ЦРУ Клаус Круль (он же Дитрих Вайниц, Мартин Кох и др.) приехал в Тарасов с секретным заданием, связанным с разработанной на местном авиазаводе космической ракетой стратегического значения. Работа, проводимая им в течение двух долгих лет, подходила к концу. Было отснято на микроплёнку почти восемьдесят процентов всего материала. Оставались лишь расчёты и список российских заводов-смежников, а также имена главных конструкторов. Но это уже его не касалось.

Последняя шифровка, которую передал ему агент № 2 и которая должна была содержать сведения о местонахождении плёнок, исчезла. Он хорошо помнил, как сунул её в карман и как чувствовал её рукой все время, пока шел от филармонии к гостинице. Он вынул руку из кармана только в номере, куда притащилась и эта скандальная девица. Валюты ей, видите ли, захотелось. Она бы её и заработала, если бы не вела себя как последняя идиотка. Заорала зачем-то, а потом исчезла.

Клаус метался по номеру, силясь вспомнить, куда он мог деть листок с шифром. Проанализировав каждое свое движение, он пришел к выводу, что его украла эта шлюха. Быть может, она собиралась обчистить его карман, но вместо марок и долларов стащила листок? Иного объяснения он найти не мог. Оставалось найти её во что бы то ни стало. Хотя, рассуждал он, она могла запросто выбросить ненужную бумажку в первую попавшуюся урну или просто разорвать на клочки и пустить по ветру. Навряд ли такая шальная девица будет искать урну. Не то воспитание. Поэтому после её ухода он внимательнейшим образом осмотрел оба лифта, в которых она могла спускаться вниз, весь холл на первом этаже и даже прошел несколько кварталов по разным направлениям, выискивая в полной темноте обрывки листка. Но все было тщетным. Девица испарилась вместе с секретной шифровкой.

Был только один выход. С помощью условного знака дать понять агенту № 2, что им необходимо встретиться. Правда, это было очень опасно, поскольку в доме агента бывало очень много случайных людей. Бизнес, которым промышлял Храмов, а это именно он был агентом № 2, раздражал Клауса отсутствием вкуса. «Жадность до добра не доведет», – подумал он, припарковывая скромную вишневую «Вольво» к дому агента на следующее утро и наблюдая, как из подъезда выходит один из постоянных клиентов Храмова: чиновник Министерства культуры, рыжий таракан с повадками похотливого маразматика. Кажется, Аркадий.

Клаус заметил, что лицо у Аркадия злое, а походка неровная. Он еще и пьет вдобавок ко всему. Что-то они там, видимо, не поделили.

Интересно, выглянет Храмов в окно – как должен он делать каждое утро в половине двенадцатого – или нет. Если Клаус приезжал к нему на вишневой машине, то они должны были встретиться в этот же день в кафе «Белая лошадь» и обменяться пустыми бокалами из-под пива, в одном из которых будет информация. Если же приедет на белой, то встреча должна состояться на следующий день в филармонии, в антракте.

Клаус простоял положенные двадцать минут и вернулся в гостиницу. Для всех он являлся представителем германской фирмы по производству стирального порошка, об этом же свидетельствовала пластиковая карточка на лацкане его пиджака. Поэтому, наверное, в ресторане, где он обычно обедал, ему всегда старались угодить. Все-таки иностранец.

Когда подошло время десерта, он, подозвав к себе знакомого официанта, спросил, не привезли ли его любимые шоколадные пирожные.

– Привезли. Вам, как всегда, два и кофе с ликером?

Пока он ждал, когда ему принесут сладкое, он наблюдал за сценкой, разыгравшейся на улице как раз напротив его столика. Сквозь стеклянную стену, отделявшую гостиничный ресторан от набережной, он видел целующихся парня с девушкой, и в нем проснулся инстинкт. На девушке было желтое, в красный горох, платье и смешные белые сабо. Длинные рыжие кудрявые волосы ее блестели на солнце. В тот момент, когда парень обнял ее, платье девушки поднялось, оголив стройные загорелые бедра, и Клаус зажмурил глаза.

Ему принесли заказ, но он не слышал официанта. Увидев, что парень убегает в сторону автобусной остановки и девушка стоит одна в какой-то нерешительности, он быстро вышел из ресторана и направился к ней.

Глава 6

Немецкий гость

Сашу Сквозникова я увидела еще издали. Опустив голову, он шел по территории военного училища, больше походившей на ухоженный парк при какой-нибудь дворянской усадьбе. Стриженные газоны, подметенные асфальтовые дорожки, казармы красного кирпича, часовые у ворот.

– Вы меня звали? – спросил он, с удивлением рассматривая мой затрапезный джинсовый костюм и растрепанные волосы.

– Меня зовут Татьяна Иванова. Я частный детектив и расследую убийство девушки, которая погибла при таких же обстоятельствах, что и Катя. Может, слышали про случай в филармонии?..

Теперь он смотрел уже с интересом.

Я показала ему свою лицензию. Но он махнул на это рукой. Я понимала его – смерть невесты выхолостила его душу, все – или почти все – на какое-то время утратило для него свое значение. Зато он явно почувствовал горьковатый аромат мести, исходивший от меня, а точнее – от моей профессии. Ему представлялась возможность докопаться до сути.

– Я бы хотела спросить вас, когда вы в последний раз видели Катю?

– Сегодня, – сказал он и моментально стал белым как бумага.

– До этого.

– Позавчера вечером. Мы договорились встретиться в пять, а в три у нее намечалась примерка. Она хотела меня удивить... И удивила.

– Она не казалась вам чем-то расстроенной, не говорила о каком-нибудь знакомом или просто мужчине, который, скажем, домогался ее?

– Нет. У нее до меня был один парень, скромный такой инженер, но она не любила его.

– Какой он из себя, вы его видели?

– Видел. Он приходил к Кате за кассетами и книгами. Высокий, худой, бледный какой-то.

– Я просто хотела узнать, он мог это сделать? Отомстить?

– Нет. Он тихий и забитый. Он из тех мужчин, которых не интересуют ни деньги, ни карьера, он весь сдвинутый на работе. Катя рассказывала, что он постоянно опаздывал на свидания и оправдывался тем, что была срочная работа. Никогда не дарил цветов, не водил в кафе. Хотя, вполне возможно, что Катю он любил. Словом, он из тех, о ком говорят – не от мира сего.

– А как его зовут?

– Сергей. Белоцерковский.

– А как они расстались с Катей?

– Просто она встретила меня, поговорила с Сергеем и все объяснила. Мирно, без скандалов и оскорблений. Как цивилизованные люди.

– А где он живет, не знаете?

– Раньше жил с матерью, а недавно она умерла, и он переехал, кажется, к родственникам. Я точно не знаю.

– А где он работает?

– На каком-то заводе. Скажите, неужели можно найти в таком большом городе человека, который... словом, этого зверя?

– Можно. Спасибо вам, Саша. Вот вам мой телефон, если вспомните что-нибудь особенное или узнаете – позвоните.

Он кивнул головой и ушел. Я посмотрела ему вслед, и мне показалось, что он за время нашего разговора стал ниже ростом.

Вернувшись домой, я сделала себе бутерброды, сварила кофе и, устроившись с подносом на кровати, стала думать.

Какой смысл встречаться с инженером Белоцерковским, когда я чувствовала, что он здесь ни при чем. Что надо искать психически больного человека, сексуального маньяка, садиста.

Помыв посуду, я вернулась на кровать, достала из-под подушки «Книгу перемен», или «Гадание по ИЦЗИНУ» и принялась подбрасывать монетки. А что еще мне оставалось делать?

Пунктир, две линии, пунктир, линия, пунктир: «Одна из наихудших гексаграмм. Это не тот период, когда стоит приниматься за что-либо. Затаитесь и ждите. Мысли ваши недостаточно ясны. Некто из вашего окружения, занимающий высокое положение, протянет вам руку помощи. Прислушайтесь к советам этого человека...»

Затаитесь и ждите. Ничего себе, а в это время в городе погибнет еще какая-нибудь девушка?

Я достала листок с шифровкой и переместилась за письменный стол. Сняла с полки два тома тщательно изученных мною шифров и принципов подбора ключей.

Я сидела часа три, сопоставляя цифры и их последовательность, пока не прочитала примитивную и совершенно непонятную фразу. «Хлеб. Буква „б“. Контейнер».

Ничего себе задачка. В слове «хлеб» есть, конечно, буква «б», но что дальше? Какой контейнер?

От всего этого у меня разболелась голова.

Иностранец, шифр, контейнер, филармония, два трупа и море крови – да от такой солянки у кого угодно голова разболится.

Позвонили в дверь. Пришел Костя.

– Ну как дела? – спросил он, морща лоб, словно от боли.

– Продвигаются. – На него было больно смотреть.

– Я вспомнил одного парня, которого видел в филармонии.

– Проходи, – сказала я. – Будешь кофе?

Он прошел, и я налила ему кофе.

– Он постоянно крутился около буфета. У него красное лицо, и вообще он выглядел так, словно оказался в этом месте совершенно случайно. Я бы, может, и не запомнил его, но еще в самом начале, перед первым отделением, когда я зашел в мужской туалет, я заметил, что он стоит лицом к стене и гладит кафель. Он что-то шептал при этом. Странно, правда?

– Опиши его.

– Высокий, я бы даже сказал здоровенный. Мощный. Ужасно неприятный. Одет во что-то обычное, чуть ли не в футболку и какие-то серые штаны... Хотя постой... После антракта я видел его уже в куртке. Точно. Зеленая дешевая куртка, такие носят подростки, отстроченная, тонкая...

– А он был на втором отделении?

– Не знаю. Я встретил его снова возле буфета, он что-то ел, и такая гнусная у него была рожа...

Я вспомнила день, проведенный в филармонии, когда мне пришлось расспрашивать работающих там людей обо всех мужчинах, которых они запомнили в тот вечер. Я разговаривала даже с кассиршей, но та с уверенностью сказала, что контингент был обычный, все «интеллигентные, порядочные люди». Тип, которого мне только что описал Костя, действительно не вписывался в обстановку филармонии. Быть может, это был Миша Лавров – слесарь?

– Если хочешь, мы сейчас съездим туда и найдем одного человека, который очень подходит под описание твоего «гнусного», как ты выражаешься, типа.

Я переоделась, мы вышли и сели в машину.

Теперь слово «филармония» будет у Кости долго ассоциироваться с гибелью Дани.

Парадный вход был заперт. Очевидно, здесь такие порядки. Был полдень, и я решила, что стоит поискать служебный вход. Обойдя красивое, с колоннами, здание, мы увидели невысокое крыльцо и дверь, выкрашенную в зеленый цвет. Я нажала на кнопку звонка. За дверью произошло какое-то движение, после чего она открылась.

– Я ищу Михаила Лаврова, – обратилась я к незнакомому мужчине.

– Миш, тебя! – крикнул он, не впуская нас внутрь. Вскоре появился молодой мужчина с явно выраженными признаками алкоголизма на лице. Я бросила взгляд на Костю – он чуть заметно покачал головой: не тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.